7 апреля 2010 года из жизни ушла экзистенциальный терапевт огромного таланта Вера Александровна Дмитренко. Ей было только 37 лет. Невольно вспоминаются слова древнегреческого мыслителя Менандра: «Тот, кого любят боги, умирает молодым».

Вот высказывание настоятеля одного монастыря, свидетеля последних лет жизни Веры:

«Молитвами новопреставленной рабы Божией Веры пусть Господь нас простит и помилует. Это удивительная смерть, о которой мечтали святые отцы — болезнь, но не настолько долгая, чтобы утомиться и впасть в уныние, и такая, чтобы успеть покаяться, и умереть в Светлую Седмицу и Благовещенье — это Дар. Не иначе как сама Богородица ее к себе забрала».

Я не знаю, оставляет память главное, отсекая лишнее — или наоборот. Я не знаю, на какое расстояние во времени нужно отойти, чтобы увидеть большое.

В течение многих лет Вера была моей правой рукой.

Как это сложилось? Просто она пришла и предложила свою помощь. Когда она ее предложила, я задыхался под грузом незавершенных проектов. С ее помощью я начал завершать их один за другим.

Я поручал ей все более и более сложные дела, потом начал обсуждать замыслы, потом советоваться о возникающих проблемах, потом начал делегировать свои полномочия.

С Верой было легко сотрудничать. Мы садились и обсуждали накопившиеся вопросы, спокойно обнаруживали ляпы и прорехи, спокойно искали выход; не было тяги ни к самореализации, ни к самоутверждению, ни к установлению границ, ни к бунту против них.

Когда у Института появились учебные площадки в других городах, внезапно выяснилось, что устоявшиеся ростовские преподаватели не склонны куда-либо ездить. На кого я мог рассчитывать?! Я спросил Веру, тогда еще слушателя Института, готова ли она поехать в другой город и провести занятия на тему «Экзистенциальная психопатология по Ясперсу».

Вера сидела в библиотеках с утра до вечера. Трудоспособность ее была поистине удивительна. И постепенно она выросла, наверное, в одного из самых тонких знатоков

Ясперса на пространстве бывшего Союза. Потом были Бинсвангер, Тилих, Кьеркегор.

В один прекрасный момент спусковым крючком того дивного экзистенциально-терапевтического процесса, что она запустила, той воистину интенсивной терапевтической жизни для Веры стали фильмы. И первым был фильм «Жить», поставленный когда-то великим японским режиссером А. Куросавой по мотивам «Смерти Ивана Ильича» Льва Толстого. Почему она выбрала этот фильм? Предчувствовала ли она, какие испытания посетят ее в конце жизни? Звала ли она себе такие испытания и такой конец, как у героя этого фильма?

Помню, после того как на огромном психологическом фестивале «Тавале» под Харьковом она впервые провела группу по этому фильму, «Life Journal» пестрел отзывами молодежи об этой группе — про то, как «...мы зашли, и началась фантастика...»; как «...ноги приросли к полу, а один из нас вспомнил, что именно сегодня годовщина смерти его отца от рака и после фильма взял такси и впервые поехал на кладбище...»; как разбитные девчонки-нимфетки размазывали тушь по лицу, а бывалый экстрасенс застыл перед вопросом «Что надобно мне успеть сделать, пока не поздно?».

Мне довелось видеть и слышать многих известных философов, от Ф. Капры до Г.П. Щедровицкого, от А.Е. Алексейчика до Э. ван Дорцен. И вот на моих глазах происходило становление нового чрезвычайно интересного философа-экзистенциалиста.

Зачастую в вузах преподаватели десятилетиями крутят один и тот же разработанный курс. Вера же шла и шла вперед, создавая все новые и новые разработки. За год она успевала столько, сколько другие не успевали и за десять.

Помню приход Веры в наш Институт, ее первую сессию. На той сессии я впервые проводил малую группу «Любовь в нашей жизни и в жизни святой блаженной Ксении Петербургской». Помнится, позже Вера, вспоминая то время, говорила мне, что жизнь Ксении ее встряхнула и поставила перед ней вопрос, как научиться любить своего мужа несмотря ни на какие обстоятельства, любить так, чтобы даже и смерть не была для любви помехой.

На моих глазах складывался поток Вериных клиентов. Это были женщины из разных городов и даже стран. Сколько суицидов не произошло благодаря Вериной поддержке! Сколько было спасено семей от распада и последующего гниения! Скольким семьям было возвращено душевное здоровье! Сколько женщин отказалось от абортов, сколько детей увидели свет, благодаря терапевту Вере Дмитренко!

Многие клиенты Веры впоследствии становились слушателями МИЭК.

Как-то я узнал, что когда заболел, то она молилась, чтобы забрать болезнь на себя, и я — выздоровел. Она сказала: «А как же иначе, ведь сказано: «носите бремена друг друга».

Вера никогда не провозглашала себя православным психотерапевтом — она им

просто была.

На поминках священник, что не раз исповедовал ее в последний месяц ее жизни, говорил, что, конечно, не может нарушать тайну Исповеди, но может только сказать, что Вера шла и шла на борьбу с собой как в последний бой.

В последний месяц своей жизни она смотрела старые советские комедии. Она искала, как с помощью фильмов пробудить надежду, как «чувства добрые» этой «лирой» пробуждать.

За время болезни Вера передала другим все свои дела, кроме одного — сбора терапевтической группы «На пути к счастью».

Вера была главным моим помощником в организации в 2006 г. в Санкт-Петербурге семинара Эмми ван Дорцен. И именно благодаря Вере учебник Эмми «Практическое экзистенциальное консультирование и психотерапия» был потом издан и распространился на просторах России и Украины.

Как-то Вера с изумлением и восторгом сообщила, что Эмми ван Дорцен, оказывается, бард. А потом я с изумлением узнал — не от Веры, а от других людей, как это бывало часто — что и Вера тоже бард. И не только бард, но и художник — как и Эмми.

Вера стояла у истоков экзистенциального театра. Когда-то вдохновила, собрала людей, вместе с Ириной Ивановной Власенко была первым режиссером процесса, фактически изобретателем нового вида театра: театра — экзистенциальной группы.

С каждым годом раскрывались все новые и новые ее таланты.

И после смерти к ней продолжают обращаться за помощью клиенты, ее ученики продолжают решать свои сложные жизненные вопросы — в мысленном диалоги с ней.

После смерти Веры множество людей — ее учеников и коллег, ее близких — обратилось ко мне с вопросом: «Чем вам помочь. И под тот груз, который несла Вера, подставили плечи множество людей — людей, вдохновленных ей.

Смерть Веры была для меня внезапной. Ее огромный мощный талант начал только разворачиваться, ее человеческий духовный рост начал только являться миру. Мне казалось очевидным, что если предстоит передать в чьи-то руки Институт, журнал, их традиции — то только в ее руки.

Ее смерть для меня — как будто сбили на взлете ракету с космическим кораблем, готовившимся к долгому плаванию по просторам вселенной.

Вспоминается из русской классики: «Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!..»

Физически Веры с нами нет, но свет ее личности продолжает жить.

Семен Есельсон (Россия)